

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 247–254
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 247–254
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-247-254>, EDN: LNDDMK

Научная статья
УДК [94+343.812](470.45-25)|1904|

Из истории борьбы политических заключенных за свои права: бунт в Царицынской тюрьме

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, AuthorID: 285433

Аннотация. В статье при исследовании событий, связанных с бунтом заключенных в Царицынской тюрьме в июне 1904 г., всесторонне изучены различные аспекты пребывания политических арестантов в тюрьмах Российской империи с акцентом на изучение тактики и методов их противостояния с тюремной администрацией, которые они артикулировали как борьбу за свои права и достоинство, рассматривая ее как продолжение революционной борьбы с царизмом. Показаны условия и причины вызревания бунта как эксцесса противостояния политических арестантов с тюремной администрацией, проанализированы его последствия.

Ключевые слова: Царицынская тюрьма, политические арестанты, провокация, тюремный бунт, революционная борьба

Для цитирования: Варфоломеев Ю. В. Из истории борьбы политических заключенных за свои права: бунт в Царицынской тюрьме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 247–254. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-247-254>, EDN: LNDDMK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From the history of the struggle of political prisoners for their rights: The riot in Tsaritsyn prison

Yu. V. Varfolomeev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri V. Varfolomeev, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, AuthorID: 285433

Abstract. In the article, when researching the events related to the riot of prisoners in Tsaritsyn prison in June 1904, various aspects of the stay of political prisoners in prisons of the Russian Empire are comprehensively considered, with an emphasis on the study of tactics and methods of their confrontation with the prison administration, which they articulated as a struggle for their rights and dignity, considering it as a continuation of the revolutionary struggle with tsarism. The article shows the conditions and causes of the maturation of the riot, as an excess of confrontation between political prisoners and the prison administration, and analyzes its consequences.

Keywords: Tsaritsyn prison, political prisoners, provocation, prison riot, revolutionary struggle

For citation: Varfolomeev Yu. V. From the history of the struggle of political prisoners for their rights: The riot in Tsaritsyn prison. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 247–254 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-247-254>, EDN: LNDDMK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Особое место в изучении различных сторон истории пенитенциарной системы и революционного движения в Российской империи занимает сюжет, связанный с пребыванием в местах заключения государственных, или, как их наиболее часто называют, политических преступников, осужденных по статьям «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» и относящихся к специальному разделу «О преступлениях государственных». Пребывание «политических» в тюрьмах позднеимперской России было со-

пряжено, безусловно, с тяжелыми условиями содержания, однако на протяжении всего времени отбывания наказания революционеры настойчиво и отчаянно вступали в противоборство с тюремной администрацией, используя при этом различные формы и методы сопротивления. Это противостояние проходило под лозунгами отстаивания своих прав и человеческого достоинства, а рассматривали они его как продолжение своей революционной борьбы с царским режимом. Наиболее распространенными из этих спосо-

бов были подача жалоб и прошений, протесты, бойкоты, обструкции и демонстрации, а крайними, хотя и более редкими, формами этого противостояния являлись тюремный террор, вооруженное сопротивление (восстание), а также погромы и массовые беспорядки (бунты). Одним из таких проявлений борьбы революционеров-заключенных за свои идеалы, цели и отстаивание гражданских прав в царских застенках был бунт, организованный политическими арестантами в Царицынской тюрьме в июне 1904 г.

В широкой историографической палитре изучения различных сторон формирования и деятельности пенитенциарной системы дореволюционной России вопросам содержания политических заключенных в царских тюрьмах посвящено относительно небольшое количество исследований. В основном акцент делался на изучении быта и повседневности арестантов. Впервые непосредственно к проблеме отбывания наказания политическими заключенными обратился Н. Д. Тахчогло [1]. В последующем, особенно в первые годы советской власти, этот вопрос приобрел актуальное звучание.

Существенный импульс научным изысканиям и опубликованию источников личного происхождения по этой теме придавала многоплановая деятельность Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 20–30-е гг. прошлого века в основном под эгидой этой общественной организации был издан целый ряд работ, в которых рассматривались различные стороны пребывания политических заключенных в местах заключения царской России, а также методы их противостояния с тюремной администрацией в борьбе за свои права. Эти работы были написаны, можно сказать, «по горячим следам», под свежим впечатлением пережитого и личного арестантского восприятия авторами тюремной действительности, и с этой точки зрения, данный материал, безусловно, представляет ценность для исследователей как репрезентация их перцептивного опыта и посттравматической психологической рефлексии бывшего политзаключенного. Вместе с тем они отличаются ярко выраженной субъективностью в анализе специфики содержания и различных сторон пребывания государственных преступников в местах заключения и в ссылке. Так, например, известный пушкинист, журналист и историк общественно-го движения России П. Е. Щеголев, испытавший на своем личном опыте 8-месячное заключение и несколько лет ссылки, со знанием дела, хотя и болезненно, описывал особенности пребывания политического заключенного в царских застенках и специфику арестантского быта [2].

Особое внимание заслуживает работа М. Н. Гернета, непосредственно освещающая различные стороны тюремной психологии, в первую очередь политических заключенных [3]. В 50-х гг. прошлого века вышло пятитомное

фундаментальное издание Гернета, посвященное истории царской тюрьмы, в котором автор, основываясь на богатом эмпирическом материале пенитенциарных учреждений, в частности, европейской части Российской империи, уделит отдельное внимание исследованию различных вопросов арестантского быта, специфике коммуникаций и поведения политических заключенных, методам их противостояния с чинами тюремной администрации и борьбой за смягчение режима содержания [4].

Новый этап в изучении истории политической каторги и ссылки приходится на 1960–1970-е гг. В течение ряда лет выходили в свет продолжающиеся издания, как, например, «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» [5], посвященные пребыванию политических каторжан в самых известных и крупных сибирских центрах – Нерчинском и Александровском. Вместе с тем, как уже отмечалось, характерной особенностью большинства работ, относящихся к советскому периоду историографии по рассматриваемой теме, являлся обвинительный уклон в характеристике царской пенитенциарной системы и гиперболизация проблем в условиях содержания политических заключенных. К подобным работам следует отнести труды Н. А. Троицкого, который, исследуя историю народнического движения и политические судебные процессы, раскрывал и различные стороны противостояния революционеров с институтами карательной системы царизма, включая следствие, суд и пенитенциарные учреждения [6].

Отказ от подобной доминирующей тенденции в исследовании данной проблематики и появление альтернативных точек зрения стали возможны в постсоветскую эпоху. Начиная с 90-х гг. XX в. появляются научные работы, свободные от одностороннего идеологического подхода, в которых сюжеты, связанные с изучением тех или иных аспектов отбывания наказания политическими арестантами, рассматриваются с разных сторон. Современные исследователи изучают разнообразные аспекты тюремного быта и арестантской повседневности как уголовных, так и государственных преступников. В частности, этой проблематике посвящены обобщающие работы Д. И. Акбердеевой [7], А. Н. Косикова [8], Д. А. Калининой [9] и С. В. Щебалкова [10]. Между тем для данного исследования наибольший интерес представляют работы, в которых акцент делается на анализе условий содержания, повседневной жизни и поведении политических заключенных в царской тюрьме. Это труды Д. И. Дмитриева [11], А. А. Киселева [12], А. П. Михеева [13], З. В. Мошкиной [14], Н. Г. Шенмайера [15] и др. В контексте этого направления исследований заслуживает внимание статья А. Ю. Морозовой [16], в которой рассматривается формирование в среде революционеров,

отбывавших наказание в 1870–1880 гг., своеобразного комплекса идеологических и морально-этических установок, обозначаемых как «кодекс поведения» политзаключенных в тюрьме и на каюте.

Проведенный историографический анализ темы исследования позволяет сделать вывод о том, что на данный момент проблема изучения феномена бунта политических заключенных как эксцесса их противостояния с тюремной администрацией и борьбы за свои права не получила широкого освещения. В качестве работ, изучающих крайние проявления сопротивления политических заключенных с властями, таких как тюремный террор (нападения революционеров на сотрудников пенитенциарной системы Российской империи), массовые беспорядки, бунт или вооруженное сопротивление, можно назвать исследования Э. Р. Кадикова [17] и О. Н. Квасова [18], а также фрагмент монографии Ю. В. Варфоломеева, в котором рассматриваются различные аспекты так называемого «Романовского» дела – вооруженного сопротивления властям (восстания) политических ссыльных в Якутии в феврале – марте 1904 г. [19]. Региональный срез проблематики, близкой по теме данной статьи, нашел отражение в работах А. Т. Ташпековой, рассмотревшей положение и права политических арестантов как особой категории заключенных в тюрьмах Саратовской губернии [20] и Ю. В. Варфоломеева, исследовавшего правовую регламентацию и организацию деятельности пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в. [21]. Между тем на данный момент существует только одна работа, в которой упоминается бунт в Царицынской тюрьме, произошедший в июне 1904 г. – это статья Т. А. Кусаинова, в целом посвященная некоторым вопросам содержания заключенных и их тюремной повседневности на примере пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в начале прошлого века [22].

Исторический сюжет, непосредственно касающийся бунта политических арестантов в Царицынской тюрьме в 1904 г., в силу целого ряда причин, о которых далее пойдет речь, занимает особое место, но в научной литературе, к сожалению, подробно не рассматривался, и это обстоятельство предопределяет актуальность и новизну настоящего исследования. Таким образом задача статьи состоит в выяснении причин, характера, целей и последствий бунта в Царицынской тюрьме 1904 г.

События, которые привели к бунту в Царицынской тюрьме, стали исподволь разворачиваться еще в конце мая – начале июня 1904 г. Выявляя причину и точку отсчета произошедших массовых беспорядков, начальник тюрьмы А. Харин в рапорте своему непосредственному начальнику – Саратовскому губернскому тюремному инспектору С. И. Новакову со знанием

дела утверждал: «Бунт произошел исключительно благодаря влияния на уголовных, прибывших из Саратова 21 мая пятнадцати политических заключенных» [23, л. 14]. Случаи разлагающего влияния «политических» на заключенных, отбывающих срок по общеуголовным статьям, отмечались и в других тюрьмах империи и, очевидно, имели общероссийскую устойчивую тенденцию распространения. Аналогичную ситуацию упоминает в своей статье Д. И. Акбердеева: «Тобольский губернский тюремный инспектор, посетивший Тюменский тюремный замок, распорядился перевести политзаключенных в особое помещение с отдельным коридором, “чтобы окончательно изолировать политических от уголовных”, т. к. было замечено, что “политики” имеют на уголовных развращающее влияние, подстрекая их к неповиновению и нарушению дисциплины» [7, с. 65]. Судя по всему, провоцирование уголовных арестантов на неповиновение тюремной администрации и нарушение дисциплины было не случайным, а сознательно проводилось политическими заключенными для дезорганизации режима содержания и при необходимости придания большего масштаба массовым беспорядкам и погромам.

Неформальный, но общепринятый и повсеместно соблюдаемый своеобразный «моральный кодекс» революционера, находящегося в стенах царских узилищ, гласил, что «лучше умереть, чем претерпеть оскорбление в своем человеческом достоинстве» [24, с. 214]. Революционная гордыня и нетерпимость вступали в непримиримое противоречие буквально со всеми правилами, которые были установлены в местах заключения царской России. «Формы протеста были разными, – вспоминал С. Анисимов, – арестанты на поверках не вставали, отказывались убирать камеры, демонстративно пели революционные песни, сбивали кандалы. Иногда протесты выражались в виде криков, стуков и ударов в дверь, битья стекол в окнах и ломания мебели» [24, с. 203]. Между тем сложившаяся практика подобных действий показывает, что начальной и наиболее распространенной формой выражения протеста или, точнее, сопротивления «политических» с тюремной администрацией в их тактике по планомерному расшатыванию дисциплины в пенитенциарных учреждениях были, прежде всего, жалобы на притеснения, грубое обращение со стороны надзирателей, а также подача различных просьб, мотивированных улучшением условий содержания.

Не стала исключением и Царицынская тюрьма, дестабилизирующие процессы в которой развивались именно по такому же сценарию. С прибытием в тюрьму 21 мая 1904 г. большой группы политических арестантов заметно увеличился поток с их стороны различных обращений к начальству, приобретающих все более настойчивый и даже требовательный характер. При

этом «петиции» заключенных для убедительности подкреплялись демонстративным и дерзким нарушением установленного в местах заключения порядка – политические арестанты отказывались вставать перед сотрудниками тюрьмы, убирать свои камеры, вели переговоры через окна камер, распевали революционные песни и т. п. Такие вызывающие и демонстративные действия один из участников тех событий – политический заключенный Г. Г. Сушкин – не случайно определил в своих воспоминаниях именно как «демонстрация» [25, с. 3].

Эскалация протестных настроений и деструктивных действий политических заключенных в Царицынской тюрьме совпала с прибытием в город 12 июня 1904 г. Начальника Саратовской губернии П. А. Столыпина, который стал не просто свидетелем этих событий, но и предпринял энергичные меры по снятию напряженности в пенитенциарном учреждении. В Царицыне «меня ждали беспорядки в тюрьме, – писал он жене. – Начальство потеряло голову, и боялись меня пускать в тюрьму: революционные песни раздавались по всей тюрьме, и виновных начальство боялось наказать». По мнению губернатора, вина за неспособность пресечь эти беспорядки лежала на тюремной администрации: «Оказалось, что начальство просто струсило. <...> У страха глаза велики» [26, л. 78], – резюмировал он. Между тем самонадеянный и отчасти беспечный тон письма губернатора свидетельствовал о том, что он, судя по всему, опрометчиво списал все проблемы на нерешительность тюремного начальства и недооценил потенциальную опасность вызревавшего в недрах тюрьмы бунта.

По итогам своего двухдневного визита губернатор приказал Харину подготовить обобщенный доклад о всех «просьбах и желаниях, каковые высказывали большинство политических заключенных Царицынской тюрьмы» [23, л. 1]. Начальник тюрьмы незамедлительно исполнил это поручение и уже 14 июня представил П. А. Столыпину рапорт, в котором подробно изложил все, существовавшие на тот момент требования политических арестантов. Всего было высказано 14 различных просьб, большинство из которых затрагивали бытовые стороны и вопросы повседневной жизни «политических» в заключении.

Одной из важнейших сторон повседневности политических арестантов являлись вопросы, связанные с актуализацией своей информированности о проблемах общественно-политической жизни страны через легальную прессу, а также интеллектуальным развитием посредством чтения различных книг. Эти потребности были отражены в пунктах 10, 11 и 13 предъявленных тюремной администрации требований. В частности, они добивались разрешения от тюремного начальства производить обмен книгами, поставляемыми им через контору тюрьмы еженедельно,

а также обращали внимание на необходимость пополнения тюремной библиотеки новыми книгами (предпочтительно научного содержания) и при этом дать им право выбора закупаемых книг [23, л. 1]. Ни одно из этих требований «политических» не встретило каких-либо возражений со стороны высокого тюремного начальства. Так, Саратовский губернский тюремный инспектор в своем докладе губернатору сообщал: «Пополнение тюремной библиотеки (п. 11) безусловно желательно. <...> По соглашению тех же лиц можно бы производить обмен книг (п. 10), принадлежащих заключенным» [23, л. 5]. Более того, губернский тюремный инспектор уточнил, что по его указанию начальник тюрьмы еще в мае 1904 г. обращался к частным лицам за благотворительной помощью для закупки книг и собрал для этой цели 70 руб. Правда, выбор закупаемых книг оставался за начальником тюрьмы, товарищем прокурора и жандармским офицером, курировавшими данное пенитенциарное учреждение [23, л. 5].

Между тем среди пожеланий революционеров-арестантов, радевших, как значилось в их политических декларациях, за нужды и права простого народа, встречались и такие, которые явно не ассоциировались с образом беззаветных борцов за народное счастье, и готовых на все тяготы и лишения, в том числе и связанные с их пребыванием в застенках. Например, «политические», очевидно заботясь о своем отдыхе и сне, просили перенести уборку камер с 6 на 8 ч утра. Причем для уборки камер они ходатайствовали нанять на свои средства специальную прислугу – хожалого (служителя при полиции для разных поручений), так как грязная, неквалифицированная работа, очевидно, не соотносилась с высоким предназначением их политической деятельности. Также они просили перевести всех политических из среднего этажа в верхний – более тихий и в определенном смысле более «комфортный» в данной тюрьме. Заботясь о личной гигиене, «политические» просили «улучшить одиночную баню» (п. 14), а в случае невозможности или ремонта таковой они соглашались мыться в общей [23, л. 2].

Буквально по «горячим следам» после визита П. А. Столыпина 18 июня 1904 г. Царицынскую тюрьму посетил Саратовский губернский тюремный инспектор С. И. Новаков и после встреч с бузотерами доложил губернатору: «...Ни одной основательной претензии на порядок содержания заключенных мне не явили, – сообщал он. – В частности, политические арестанты подтвердили мне те ходатайства, с которыми они обратились к Вашему Превосходительству» [23, л. 5].

Однако, как выяснилось, некоторые из просьб вступали в явное противоречие с существовавшими на тот момент законодательными актами, регламентировавшими порядок

и условия содержания под стражей, а также циркулярными распоряжениями Главного тюремного управления и поэтому носили заведомо неисполнимый характер. Руководитель Тюремного отделения Саратовской губернии, детально проанализировав все 14 пунктов просьб «политических», в докладе П. А. Столыпину сделал выводы о возможности (невозможности) их исполнения.

Из всех ходатайств, изложенных в рапорте начальника тюрьмы от 13 июня за № 1532 пункты 1–3, по мнению руководителя пенитенциарных учреждений губернии, не подлежали удовлетворению, так как «допущение общей кассы для выписки и выбора старосты неизбежно привело бы к единению всех политических между собою, а разрешение перевода денег друг другу запрещено законом (ст. 134 Уст. Сод. под стражей) явилось бы, кроме того, несправедливостью по отношению прочих заключенных» [23, л. 5]. Среди просьб заключенных было и желание добиться разрешения от тюремных властей пользоваться в камере ножами и вилками (пункт 5). На что губернский тюремный инспектор отреагировал вполне ожидаемым и обоснованным отказом: иметь арестантам в камере колющие и режущие предметы «пока нельзя разрешить в виду склонности ныне содержащихся в тюрьме политических к порче дверей, столов и подоконников, и возбуждения их против тюремных порядков» [23, л. 5 об]. Неприемлемым С. И. Новаков посчитал также и наем «политическими» специального уборщика в свои камеры, а также их перевод на 3-й (верхний) этаж. По этому пункту, изобличая хитрую задумку «политических», он пояснял губернатору, что на верхнем этаже шире подоконники, что позволяло им более удобно вести переговоры через окна с другими арестантами, и, кроме того, «из окон 3-го этажа легче переговариваться с лицами, стоящими на железнодорожной насыпи, к чему только и стремятся политические арестанты» [23, л. 5 об]. По другим просьбам, изложенным в рапорте, губернский тюремный инспектор принципиальных возражений не высказал, а лишь уточнил порядок и условия их исполнения. В итоге П. А. Столыпин, внимательно изучив докладную записку С. И. Новакова, полностью согласился с его выводами и предложениями по всем пунктам ходатайств политических заключенных.

Во время нахождения в Царицыне высокопоставленного начальника из Саратова арестанты вели себя внешне сравнительно спокойно, но переговоры все-таки были замечены, и двое уголовных, уличенных в этом, по распоряжению губернского тюремного инспектора были препровождены в карцер. Разубеждая С. И. Новакова в обманчивом характере затишья в арестантской среде, начальник тюрьмы А. Харин докладывал ему, что «население тюрьмы ведет себя

крайне беспокоило и вызывало как к администрации, так и к надзору, предъявляя к ним всевозможные неисполнимые требования» [23, л. 12]. Однако губернский тюремный инспектор, судя по всему, не внял озабоченности начальника тюрьмы. Напротив, рассуждая о факторах, приведших к массовым нарушениям дисциплины в Царицынской тюрьме, Новаков в докладе губернатору в качестве основной причины указал на то, что именно начальник тюрьмы не принял своевременных и должных мер «к обузданию прибывших 21 мая из Саратовской тюрьмы арестантов плохого поведения. Видя, что первые проступки прошли для них безнаказанно, они продолжили всячески нарушать тюремный порядок» [23, л. 5 об]. При отъезде из Царицына губернский тюремный инспектор приказал начальнику тюрьмы не оставлять без соответствующего взыскания ни одного проступка, что, по его мнению, поможет установить нормальный порядок в тюрьме. Между тем главной целью поездки С. И. Новакова в Царицын, несмотря на сложную обстановку в пенитенциарном учреждении, был, по его свидетельству, осмотр тюрьмы для необходимого ремонта и составление приблизительной сметы на эти цели [23, л. 5 об].

После последовавших один за другим визитов в Царицынскую тюрьму высокопоставленных царских чиновников, казалось бы, уже ничего не предвещало драматичного развития событий. Однако, спустя несколько часов после отъезда губернского тюремного инспектора, в тюрьме стали разгораться беспорядки, формальным поводом для которых послужили мотивированные отказы тюремной администрации в удовлетворении заведомо неисполнимых требований политических арестантов. Всякий раз при подобном отказе заключенные начинали производить невообразимый шум, громко кричали и стучали в двери камер. Беспорядки, начавшиеся вечером 19 июня 1904 г., постепенно усиливались. Ни уговоры, ни увещания, ни угрозы со стороны служащих тюрьмы не привели к успокоению разбушевавшихся заключенных и водворению порядка. Более того, раздражение и агрессия арестантов стали только возрастать, и в ночь с 19 на 20 июня они несколько раз требовали освободить Макарова и Щукина, помещенных накануне в карцер по приказанию губернского тюремного инспектора, а получив отказ, стали сильно возмущаться и проявлять свое негодование уже ставшими традиционными методами – шумом, криками, стуками в двери [23, л. 12].

Спланированный и хорошо продуманный характер разворачивающегося бунта подтверждают данные о поведении арестантов, зафиксированные служащими тюрьмы. Так, по свидетельству начальника тюрьмы, «в течение ночи

с 19 на 20 июня арестанты о чем-то тихо договаривались, часто повторяли: «возьмем и поставим на своем» [23, л. 12 об]. Поводом к началу второй и самой мощной фазы беспорядков днем 20 июня послужил категорический отказ А. Харина на повторное ультимативное требование арестантов немедленно освободить заключенных, посаженных в карцер. Сразу после этого, как по команде, заключенные начали кричать, свистеть, ругаться и бить в звонки дверей камер. В связи с крайним обострением обстановки начальник тюрьмы вынужден был принять «самые энергичные меры», на что ему указал перед отъездом из Царицына губернский тюремный инспектор.

Однако, не желая придавать этим событиям громкий и скандальный характер, Харин решил восстановить порядок в тюрьме силами подчиненного ему состава без привлечения войск. С этой целью он вместе с помощниками, надзирателями и налечествовавшими на тот момент в тюрьме несколькими низшими чинами конвойной команды одновременно арестовал в некоторых одиночных камерах наиболее сильно бунтующих заключенных. В результате были задержаны 12 самых активных бунтовщиков, оказавших отчаянное и упорное сопротивление при аресте: Лоскуткин, Рытин, Быков, Наливаев, Гостинянский, Никифоров, Ухмылин, Горячев, Иванов, Дмитриев, Корякин, Антошкин [23, л. 13]. Причем у некоторых из них при задержании были изъяты ножки от кроватей, куски разбитых жестяных чегонашек и части рундуков, которые они использовали в качестве оружия. Во время задержания, которое продолжалось 30 мин, находившиеся в карцере арестанты стучали в двери, кричали, ругались и пытались помешать арестовывать бунтующих соратников. При этом 62 заключенных, находившихся в общих камерах, вели себя, по словам начальника тюрьмы, относительно сдержанно, несмотря на требования заключенных в одиночных камерах присоединиться к ним для производства беспорядков [23, л. 13 об]. Несмотря ни на что, начальнику тюрьмы и его подчиненным в течение нескольких часов удалось усмирить бунтовщиков и водворить в вверенном им пенитенциарном учреждении порядок.

Оценивая последствия бунта, начальник тюрьмы констатировал, что во время беспорядков были испорчены замки и сильно расшатаны двери, разбиты мебель и утварь, отбита штукатурка и пр. В своем докладе Саратовскому губернскому тюремному инспектору об этом происшествии А. Харин утверждал, что перво-степенная подстрекательская и организаторская роль в этих беспорядках принадлежала «политическим», хотя непосредственно бунт был «произведен большинством уголовных» [23, л. 14]. Начальник тюрьмы в своем рапорте обратил внимание еще на одну немаловажную деталь.

В ходе бунта политические арестанты также били в двери и громили тюремное имущество в камерах, но каких-либо орудий у них не было найдено, а поэтому они и не были задержаны. Эта хитрая, заранее продуманная уловка «политических» позволила им формально остаться в стороне от беспорядков и «выйти сухими из воды», а «уголовные как менее развитые и сильно нравственно испорченные буйствовали в открытую» [23, л. 14], – точно подметил А. Харин. Все факты, приведенные начальником тюрьмы, свидетельствовали о том, что «политические» ловко и цинично использовали «уголовных» в своих целях, отведя им роль разъяренной массовки в тюремных беспорядках.

В ходе последующего расследования тюремного бунта был выявлен еще целый ряд опасных фактов, освещавших произошедшие события с неожиданной стороны. Посетивший тюрьму до апогея беспорядков губернатор П. А. Столыпин писал: «Я два дня подряд просидел там по несколько часов, политические подолгу со мною разговаривали, обещались не петь и вести себя разумно – посадил в карцер всего только двух уголовных, и всё, кажется, успокоилось» [26, л. 78]. Однако успокоение, воображаемое тогда губернатором, как показали дальнейшие события, действительно было только кажущимся. Столыпин, самонадеянно уверовавший в успех своей миссии по умиротворению политических арестантов, даже не подозревал, что они, со слов дежурного надзирателя С. Верещагина, подслушавшего их разговор, готовы были расправиться с губернатором, «...если он только будет сечь, то будет убит, а Полянский политический подтверждает, что ежели он только будет нас сечь, то он в скором времени будет убит. Даже не проживет и месяца в своей губернии» [23, л. 15]. Одновременно с этим «политические» угрожали сомневающимся или несогласным с их действиями арестантам, предупреждая их, что, если кто «дерзнет поспешать исполнять» требования тюремной администрации, «будут жестоко карать» [23, л. 13 об].

Наряду с этим в ходе проверки удалось раскрыть замысел готовящегося побега политических арестантов из пересыльной тюрьмы. Во время обыска у пересыльного каторжанина Арефьева было обнаружено, что его кандалы подпилены и подвязаны тоненькой бичевой. В его постельных принадлежностях был также найден деревянный станок для пилки, сама пилка и кошка для перелезания через стену. При более тщательном осмотре оконных решеток камеры было обнаружено, что при нажиме ломались толстые железные пруты каждой секции оконной решетки. Оказалось, что железные прутья сверху и снизу были подпилены, но снизу места надпила были замазаны хлебом с пылью, чтобы охранники не смогли этого заметить [23, л. 17]. Побег, очевидно, хотели совершить пересыльные

каторжане во время бунта. Массовые беспорядки и буйство уголовных 20 июня 1904 г. должны были отвлечь надзирателей, и, воспользовавшись этим, несколько политических арестантов, приговоренных к каторге, вполне беспрепятственно могли совершить побег. Таким образом, была раскрыта, по-видимому, истинная цель организации «политическими» бунта в Царицынской тюрьме – помочь соратникам совершить побег.

Подводя итоги исследования бунта заключенных в Царицынской тюрьме в июне 1904 г. как апогея противостояния политических арестантов с тюремной администрацией можно сформулировать следующие выводы:

1. Политическим арестантам, прибывшим в Царицынскую тюрьму, потребовался всего месяц для того, чтобы дестабилизировать обстановку в тюрьме, расшатать тюремные порядки и вызвать массовые беспорядки, переросшие в тюремный бунт 20 июня 1904 г.

2. Руководство и служащие Царицынской тюрьмы в описываемых событиях действовали в строгом соответствии с циркулярами и инструкциями, регламентировавшими порядок и условия содержания заключенных, но при этом нередко проявляли нерешительность и запоздалость в реагировании на противоправные действия политических арестантов.

3. «Политические» действовали подстрекающе и разлагающе на всех заключенных, постоянно внушали им не подчиняться администрации, настойчиво требуя от последней исполнения своих желаний, прошений, идущих вразрез с нормами тюремного законодательства, и подкрепляя свои действия оскорблениями, угрозами и пением революционных песен.

4. Политические заключенные, спровоцировав и срежиссировав тюремный бунт, использовали в нем в качестве основной деструктивной силы уголовных арестантов, оставаясь при этом, как правило, «за кулисами» массовых беспорядков.

Возможно, истинной целью бунта в Царицынской тюрьме была попытка побега политических заключенных, подготовившихся к этому заранее, а массовые беспорядки должны были сыграть роль отвлекающего маневра в реализации этого замысла.

Список литературы

1. *Тахчогло Н.* Об условиях отбывания наказания политическими заключенными // *Право*. 1907. № 20. Стб. 1428–1432.
2. *Щеголев П. Е.* Узники Алексеевского равелина. Из истории знаменитого каземата. М. : Вече, 2019. 560 с.
3. *Гернет М. Н.* В тюрьме: Очерки тюремной психологии. М. : Право и жизнь, 1925. 148 с.
4. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Госюриздат, 1960–1963. Т. 5. 310 с.
5. Ссылные революционеры в Сибири : сборник : в 12 вып. / под ред. Н. Н. Щербакова. Иркутск : [Б. и.], 1973–1991. Вып. 11. 259 с.
6. *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М. : Мысль, 1978. 335 с.
7. *Акбердеева Д. И.* Повседневная жизнь политических заключенных Тобольской губернии в начале XX в. // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 10. С. 61–77. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.10.30752>
8. *Косиков А. Н.* История и особенности арестантского быта в тюрьмах Российской империи в межреволюционный период (1907–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. 187 с.
9. *Калинина Д. А.* Повседневная жизнь политических ссыльных в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 249 с.
10. *Шебалков С. В.* Повседневность политических заключенных в тюремных учреждениях Российской империи 1887–1917 гг. (на материалах губерний Европейской части страны) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. 325 с.
11. *Дмитриев Д. И.* Революционная деятельность большевиков в каторжных тюрьмах Восточной Сибири (1907–1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1989. 249 с.
12. *Киселев А. А.* «Попав в одиночное заточение, они догорали тут, как зажженные свечи»: к вопросу о повседневной жизни революционера в российской тюрьме во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки»*. 2018. № 1 (17). С. 49–56.
13. *Михеев А. П.* Борьба социал-демократического подполья Западной Сибири против террористического режима царских тюрем (1905–1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1988. 282 с.
14. *Мошкина З. В.* Политическая каторга в России и социально-психологический облик политкаторжан : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 394 с.
15. *Шенмайер Н. Г.* Эсеры в каторжных тюрьмах Восточной Сибири 1907–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1997. 229 с.
16. *Морозова А. Ю.* Складывание «кодекса поведения» политзаключенных в тюрьме и на каторге в 1870-е – 1880-е гг. // *В ритме времени*. Фронтовик. Учитель. Историк: памяти доктора исторических наук Б. С. Итенберга : сборник статей и материалов / отв. ред. О. В. Будницкий, В. В. Шелохаев. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2018. С. 82–97.
17. *Кадиков Э. Р.* Об эсеровском «тюремном терроре» в Сибири в начале XX в. // *Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории : сборник научных статей / отв. ред. А. В. Якуб, В. П. Корзун*. Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2011. С. 31–40.
18. *Квасов О. Н.* Тюремный террор революционеров в Российской империи // *Вестник Томского госу-*

- дарственного университета. История. 2021. № 72. С. 44–49. <https://doi.org/10.17223/19988613/72/6>
19. Варфоломеев Ю. В. «Серебряный век» русской адвокатуры : в 4 ч. Ч. 2 : «Молодая адвокатура» на политических процессах в России (конец XIX – начало XX века). Саратов : Издательство Саратовского университета, 2015. 416 с.
  20. Ташкекова А. Т. Политические арестанты в России в конце XIX – начале XX века (по материалам тюрем Саратовской губернии) // Проблемы борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий : сборник научных статей межведомственной конференции (Саратов, 21 сентября 2022 г.) / отв. ред. Н. В. Кириленко. Саратов : Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. С. 84–89.
  21. Варфоломеев Ю. В. Правовая регламентация и организация деятельности пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века в контексте реализации тюремной реформы 1879 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 316–321. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-316-321>
  22. Куцаинов Т. А. Некоторые аспекты содержания и повседневности политических заключенных в начале XX века (по материалам тюремного отделения Саратовского губернского правления) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 3. С. 154–160. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.3.84.015>
  23. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 446 (Саратовская губернская тюрьма и исправительно-арестантское отделение № 2 Тюремного отделения Саратовского губернского правления. г. Саратов. 1803–1918). Оп. 2. Д. 29.
  24. Анисимов С. Бунт в Тобольской каторжной тюрьме // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 200–224.
  25. Сушкин Г. Г. В тюрьмах, 1902–1904 гг.: (Воспоминания). М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 24 с.
  26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1662 (Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), министр внутренних дел, председатель Совета Министров). Оп. 1. Д. 230.

Поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 03.02.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 03.02.2024; accepted for publication 10.02.2024